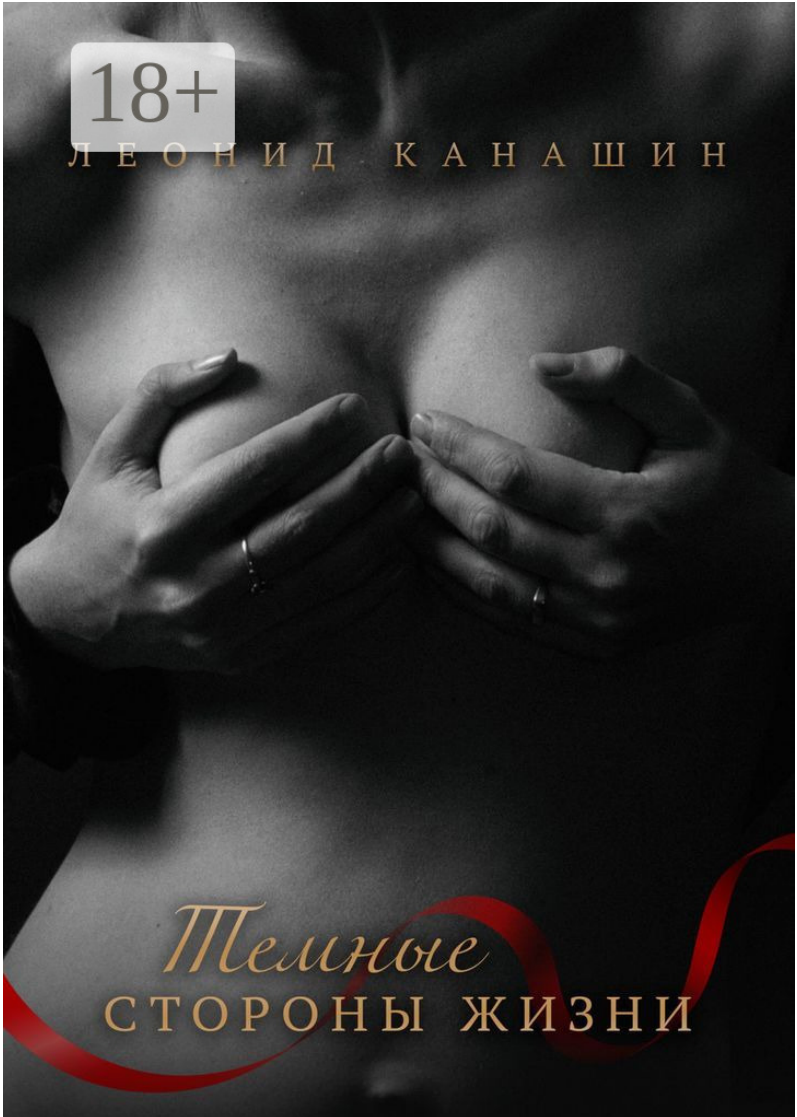
18+
ЛЕОНИД КАНАШИН
Темные
СТОРОНЫ ЖИЗНИ

Леонид Канашин

Темные стороны жизни. Тринадцать увлекательных историй

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48895973
ISBN 9785005093585

Аннотация

Как посмотреть в глаза другу, с женой которого переспал? Как разбогатеть за неделю?В каких банках надежнее хранить деньги – в коммерческих или в стеклянных?Как быть, если принял «Виагру», а секс обломился?Откуда пошло слово «пипец»?Как обмануть самого себя, чтобы этого не заметить? На эти вопросы читатель найдет ответы в новом сборнике увлекательных историй от Леонида Канашина. Ответы порой смешные, порой трагические, порой трагикомические и, почти всегда, парадоксальные.

Содержание

Поговорим о Набокове, Оленька…	5
Под землей	8
Ночное танго	30
Дом	35
Растительная жизнь	56
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Темные стороны жизни
Тринадцать увлекательных историй

Леонид Канашин

© Леонид Канашин, 2019

ISBN 978-5-0050-9358-5
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Поговорим о Набокове, Оленька…

– Пожалуй, Оленька, я не соглашусь с вами в том, что стиль Набокова такой уж оригинальный. Конечно, до него никто из русских прозаиков так не писал, но подобным стилем давно уже писали и в Европе, и в Америке… Француз Пруст, ирландец Джойс, англичанин Лоуренс, американец Андерсон – вот кому он подражал и у кого он учился… Не забывайте, милая моя, что Набоков мог читать этих авторов в подлиннике, а кроме того, он ведь четыре года изучал западную литературу в Кембридже… Хотите еще вина?

– Нет, спасибо, я и так уже…

– Отвлечённый психологизм, кружево пунктирных чувствований, история не человека, а его души – все это являлось сутью одного из главных направлений в тогдашней западной литературе… А вы заметили, Оленька, что в произведениях Набокова не хватает мощного стремительного движения, сильных страстей, решительных безоглядных поступков, настоящей любви, живых полнокровных людей, подлинно глубоких мыслей? Все это заменено вялыми тенями и ироническими парадоксами… Садитесь поближе, здесь вам будет удобней…

– Мне кажется, Павел Эдуардович, что наоборот именно такой стиль помогает Набокову лучше показать людей. Его аллегории, его яркие необычные описания предметов и пей-

зажей насыщены психологизмом, наполнены особой диалектикой души… Наверно, уже поздно, мне пора…

– Да нет, время еще детское… Надо понимать, Оленька, что когда Набоков в своём повествовании стремится удивить читателя, показать вещь или идею странной, изъять её из привычного контекста реальной жизни, тем самым он этими красотами стиля, разветвлёнными, форсистыми описаниями предметов и природы маскирует существенные пустоты в своём творчестве, а именно – мелкотемье, бездуховность и нелюбовь к людям… Какая прекрасная кожа!..

– По-моему, вы не правы! Как можно… как можно автора «Машеньки» и «Других берегов», этих… этих удивительных романов, наполненных искренней любовью к России, обвинять в бездуховности?.. О боже!.. Подождите, вы так сломаете застежку! Дайте, я это сделаю сама…

– Любовью к какой России, Оленька? К лубочной России, которую он вообразил в своей голове, глядя с другого, заграничного, берега в туманные образы своего детства? Нет, Оленька, это не любовь к России, это опять же эгоцентричность и литературная игра в красивости, за которой прячется набоковское себялюбие и самолюбование… Так лучше?..

– Да, так хорошо!..

– А так?

– Ах, так еще лучше!..

– Мне тоже так больше нравится… Взять его роман «Подвиг»… Где там подвиг?.. Нет там никакого… подвига!..

Только рассуждения героя о предстоящем… подвиге…

– Как чудно!.. Вы – волшебник!.. Руками вы владеете так же хорошо, как и языком!..

– Руки – самое главное у мужчины!.. Теперь вот так!.. И вот так!.. И вот так!..

– Прелесть!.. Прелесть!.. Я не ожидала, что у вас так получится!

– Ну, что вы, Оленька, чинить дамские сумочки – это мое давнее хобби…

Под землей

Виктор проснулся в полной темноте. Где-то рядом капала вода. Пахло плесенью, гнилым деревом, влажным камнем.

«Неужели электричество отключили?» – с тревогой подумал Виктор. Он протянул руку, нащупал шахтерскую каску, включил фонарь.

В бледном желтоватом свете стали видны низкая кровля шахты, зашитая серыми, в разводах плесени, досками, мокро блестящие неровные скальные стены, покосившиеся деревянные столбы крепи. Свет фонаря стал слабеть и через пару секунд погас совсем – батарея разрядилась.

Виктор на ощупь пробрался к переноске, висящей на гвозде, вбитом в кровлю, выкрутил и снова туго закрутил лампочку. Свет не загорелся. Осторожно, перебирая руками по стене и вжав голову в плечи, чтобы не удариться о балки перекрытия, пошел в забой. Добирался, наверно, минут пять, а показалось, что вечность. Нащупал дробилку и включил ее. Дробилка загрохотала, набирая холостой ход. Значит, света нет из-за того, что перегорела лампочка. Плохо, так как запасная отсутствует. Но если бы пропал ток, было бы еще хуже. Это могло значить, что на другом конце провода, который они с Васькой сюда протянули, сидят менты – они отключили электричество и ждут, когда нелегальные добытчики золота выйдут прямо к ним в руки.

Неделю назад Виктор Кузнецов, студент Читинского колледжа информационных технологий, приехал на каникулы в родной поселок Вершино-Дарасунский, где жили его мать и сестра. Выйдя из автобуса, он увидел, что поселок пришел в еще больший упадок. Многие дома зияли выбитыми окнами, повалившиеся заборы никто не чинил. Посреди поселка чернел двухэтажный бетонный остов заброшенного дома культуры. Первоклассником Виктор ходил сюда в музыкальный кружок. Тогда в Вершино-Дарасунском работал большой золотодобывающий комбинат, который давал работу почти всем взрослым жителям поселка. Двенадцать лет назад в шахте случился пожар. Погибли десять горняков, в том числе и отец Виктора. После пожара комбинат закрылся, и поселок стал хиреть.

Дома Виктора встретили заплаканные мать и сестра. Оказывается, они взяли кредит, два миллиона, под залог дома и вложили деньги в строительство квартиры в краевом центре. Строительная компания лопнула, деньги пропали, а банк требует возврата кредита, и вот сегодня, утренним автобусом, к ним приезжали из Читы коллекторы с требованием или оплатить долг, или освободить дом. Срок – десять дней.

Не было тайной, что многие жители Вершино-Дарасунского зарабатывают себе на жизнь незаконной добычей золота. Благородный металл здесь открыли еще в 19-м веке, и с тех пор одновременно с легальными работами всегда ве-

лась подпольная его добыча. Но никогда прежде она не имела такого размаха. Кроме безработицы, этому способствовало еще и то, что сеть золотоносных жил залегала прямо под поселком. Некоторые жилы, сейчас отработанные, выходили на поверхность, другие обнаруживались только на большой глубине. Чтобы их достичь, в советские времена были построены шахты, вертикальные стволы которых уходили вглубь на многие сотни метров. От стволов на разных уровнях во все стороны расходились горизонтальные выработки – штреки, в которых и добывалась золотая руда. За два века всё пространство под поселком стало походить на гигантский термитник с многочисленными ходами и норами. Попасть в этот термитник можно было не только через охраняемые полицией устья шахт, но и через многочисленные заброшенные вентиляционные выработки, через провалы в приповерхностных штреках, через самопальные шурфы. Некоторые черные копатели уходили за золотом прямо через какую-нибудь дыру в земле на своем огороде.

Васька Пьяных, одноклассник Виктора, начинал ходить под землю еще пацаном, помогая отцу. В одну из вылазок отца покалечило глыбами, выпавшими из прогнившей крепи шахты. Сейчас Васька работал самостоятельно, то с одним, то с другим напарником. Васька сказал Виктору, что за недельную ходку под землю можно, зная места, добыть золота тысяч на тридцать, но два миллиона… Это надо, чтобы обалденно повезло. Бывали, конечно, случаи, когда за-

рабатывали и больше… К примеру, есть одно место недалеко от поселка, на Лысой сопке, где после войны был лагерь пленных японцев, работавших на руднике. Там на склоне оврага существует лаз, который называют Черной дырой, потому что люди, проникающие через него под землю, назад не возвращаются. Где-то всего лишь месяц назад какой-то приезжий копатель, не поверив слухам, забрался-таки в эту дыру. Он вернулся через три дня. В разорванной одежде, со следами жутких звериных укусов по всему телу и не в своем уме. В рюкзаке у него нашли трехкилограммовый самородок, который потом местные мужики толкнули нелегальным скупщикам за шесть миллионов рублей.

Виктор спросил – что ж там такое страшное может быть?.. Васька рассказал, что однажды из лагеря военнопленных сбежали несколько японцев, среди них две женщины, бывшие радистки. Их искали, но не нашли, и решили, что они утонули, когда переправлялись через Шилку. Но старики говорят, что они вовсе не сбежали, а спрятались в дальних заброшенных штреках, где после войны добывали, кроме золота, еще и уран, и стали там жить и плодиться. Сейчас в этих штреках, наверно, живут правнуки тех пленных японцев. Конечно, они из-за радиации уже мутировали и на нормальных людей, скорей всего, мало похожи…

– Что же они там едят? – поинтересовался Виктор.

– Так крыс, – ответил Васька. – В шахтах их дохренища!.. Здоровые такие, упитанные… Грибы там растут, я видел…

Да и человечиной эти мутанты, наверно, не брезгуют.

– И ты веришь в эти сказки? – усмехнулся Виктор.

– Ну, не знаю… – пожал плечами Васька. – Люди же просто так, ни с хера, исчезать не станут.

Сначала Васька наотрез отказывался идти с Виктором в Черную дыру. Виктор умолял, стыдил, высмеивал его нелепые страхи. Обещал, что если они найдут много-много золота, то он возьмет себе только на два миллиона, всё остальное достанется Ваське… Грозился, что пойдет один и наверняка там погибнет, потому что под землей он ни разу не был… И смерть будет на его, Васькиной, совести. В конце концов, когда они допили вторую бутылку водки, Васька согласился, но при условии, что, если что, они сразу всё бросают и поднимаются наверх.

Вечером следующего дня, уже по темноте, они вышли за поселок на Лысую сопку. С собой имели недельный запас еды, туристические коврики, шерстяные, видавшие виды солдатские одеяла, шахтерские каски с фонарями, лом, большую кувалду, несколько динамитных шашек, крепкие брезентовые мешки объемом по двадцать литров и еще много всякого по мелочи, без чего, как уверял Васька, добыть золото нельзя.

Черная дыра представляла собой узкую нору, полого уходящую в глубину и заросшую на входе бурьяном. Васька и Виктор стали на четвереньки и, собирая на себя паутину, углубились в нору. Они проползли с десяток метров и ока-

зались в низкой каменной пещере. В углу пещеры в свете фонарей обнаружился колодец глубиной около семи метров, на дно которого вела полусгнившая лестница, сколоченная из жердей.

– Сколько в тебе веса? – спросил Васька. – Килограмм девяносто?

– Восемьдесят восемь.

– Мои-то семьдесят эта лестница должна выдержать, а с тобой прямо не знаю…

– Ничего, я осторожно.

– Ну, смотри… Если загремишь, шею точно сломаешь!

Кое-как спустились на дно колодца. Там оказались новая камера и новый колодец с такой же дряхлой лестницей. Так они спускались, переходя с одной лестницы на другую, около получаса, пока не достигли выработки, из которой в разные стороны уходили четыре штрека.

– Куда дальше? – спросил Виктор.

– Хрен его знает! – ответил Васька. – Я здесь никогда не был… Давай хоть сюда.

И они пошли по одному из штреков – узкому, невысокому (приходилось идти, согнувшись в три погибели) коридору, вырубленному в монолитном граните. Иногда гранит пересекали жилы серого кварца толщиной до метра. Васька спокойно проходил мимо них – они не были золотоносными. Порой, то влево, то вправо, то в обе стороны сразу, от штрека отходили ответвления. Васька и Виктор шли, никуда не сво-

рачивая, чтобы не заблудиться. Попали в конце концов в тупик.

– Сам штрек пустой, – сказал Васька. – Надо искать в рассечках.

Пошли обратно. Теперь заходили во все ответвления, следя, чтобы стена всё время была по правую руку. Вскоре выбились из сил и сели отдохнуть.

– Надо было рюкзаки оставить у колодца, – сказал Васька, с трудом разгибая спину.

– А если бы их японцы-мутанты утащили? – подколол его Виктор.

– А ты заметил, что никаких следов не видно?.. Это значит, что наши копатели сюда не заходят.

– А что здесь делать, если золота нет?

– Согласен, – сказал Васька, подавляя зевок. – Давай перекусим и здесь же заночуем, место сухое.

Спали беспокойно. Всю ночь рядом, а порой и прямо по ним, бегали крысы, привлеченные запахом еды. Когда наступила пора вставать, чувствовали себя более усталыми, чем перед сном. Решили на этом горизонте больше поиски не проводить, а спуститься ниже.

Вернулись к стволу и углубились еще на несколько уровней. Теперь на поиски пошли налегке, оставив у шахтного колодца основные тяжести. На четвертом ответвлении в стене встретилась кварцевая жила с вкраплениями желтого блестящего минерала.

– Золото? – обрадовался Виктор.

– Сульфид, нахер, – снисходительно объяснил Васька. – Но мелкое золото в этой жиле тоже может быть… А вот, зырь, тут кто-то уже пробы брал. Видишь свежие сколы?.. Наши мужики поработали… Жила, скорей всего, пустой оказалась. Иначе бы они уже давно ее расхерачили… А приходили они сюда с этой стороны, – Васька посветил фонарем в узкий проход, – то есть там нам ловить уже нечего, мы туда не пойдем.

Вернулись к колодцу, поели и начали обследовать другой штрек. Он оказался очень мокрым, с кровли капало, по стенам стекали струйки воды. Местами приходилось идти вброд. То и дело попадались места с обрушившейся кровлей. В одном месте потратили с полчаса, чтобы разобрать завал, иначе было не пролезть. Осмотрели одно ответвление, зашли в другое – и тут Васька оживился.

– Нюхом чую: где-то здесь должно быть золотишко! – говорил он, внимательно рассматривая стены и постукивая то там, то здесь молотком. – Когда вот такая зеленая порода встречается, то тут и золото в жилах жди.

Свернули в небольшую рассечку и попали в камеру без крепи, в которой все стены и кровля были сложены трещиноватым рыжим кварцем с крупными и обильными включениями блестящих сульфидов.

– Везучий ты, Витюха! – закричал Васька. – Это, похоже, настоящий рудный узел, здесь две жилы пересекаются!

Он раскрыл складной нож и стал ковырять им в забое.

– О, да тут и самородочки есть!.. Запомни, сульфиды крошатся, а золото мягкое – оно режется… Вот оно, зараза! – На ладони у Васьки лежал желто-бурый невзрачный комочек величиной с горошину. – Крупные самородки здесь вряд ли будут, но и без них тут золота можно взять нехило!..

– Вася, я твой должник до гроба!

– Погоди благодарить, его еще добыть надо.

Васька потянулся в угол забоя, за что-то запнулся, чертыхнулся и упал. Луч его фонаря прочертил дугу по стенке камеры и высветил вдруг внизу, прямо у ног Виктора, выбеленный человеческий скелет – череп, грудная клетка, кости конечностей. Виктор закричал от ужаса, отпрыгнул в сторону, посветил вокруг, и в углу, рядом с входом в камеру, обнаружился еще один скелет.

– Хера ты орешь? – сказал Васька севшим от волнения голосом. – Мертвых не надо бояться, бояться надо живых!.. Видишь, одежда вся истлела – этим трупам точно за сотню лет… Похоже, напарники… Наверное, золото не поделили… Смотри, у этого череп пробит, а у этого… – Васька наклонился над вторым скелетом, пригляделся и поднял с земли, из-за ребер, большой ржавый нож, – этот от ножа погиб.

– Что теперь будем делать?

– Ну, если эти кости тебя смущают, давай перетащим их отсюда.

Так и сделали: сложили кости и черепа в мешок и отнесли

в соседнюю рассечку.

Потом сходили к колодцу за вещами и недалеко от рудной камеры, в тупиковой выработке, там, где сверху капало не так сильно, устроили базу. Затем вернулись к золотоносному узлу, с помощью лома и кувалды пробили в забое несколько шпуров и заложили в них взрывчатку. Отошли подальше, сели за углом, и Васька присоединил какие-то проводки к батарейке. Рвануло так, что заложило уши и в голове еще долго стоял звон. Подождали, пока осядет густая пыль, и пошли в камеру.

Рудных обломков вышло больше тонны.

– Нам это и за месяц наверх не перетаскать! – озабоченно сказал Васька, перебирая рудный отвал в поисках самородков.

– Как же быть?

– Надо руду обогатить здесь, на месте, а концентрат мы сможем вытащить и за одну ходку. Но для этого, Витюха, нужна приспособа, которой у нас нет… Давай через тот лаз проберемся в шахту, откуда мужики приходили. Может быть, у них там схрон есть, и мы кое-что полезное у них позаимствуем.

Никакого схрона в соседней шахте найти не удалось, но зато обнаружился щиток с подведенным электричеством.

– А вот это уже хорошо! – обрадовался Васька. – Протянем к себе свет и дробилку запитаем.

– А где мы возьмем дробилку?

– У меня дома, в сарае… Так что сейчас уходим наверх, – Васька взглянул на часы, – переночуем по-человечески, а спозаранку снова сюда… Только там, наверху, никому, даже родной матери, ни слова!

– Могила!

Солнце только-только село за горизонт, когда золотодобытчики выбрались из Черной дыры.

– Пусть немного стемнеет, потом пойдем в поселок, – сказал Васька.

– Чтобы нас не засекли?

– Я же с прошлого года мотаю условный срок за незаконную добычу. Если снова попадусь – получу реальных три года колонии… И знаешь, кто меня сдал?

– Кто?

– Сосед мой, Прохор – чтоб он сдох!.. Менты однажды взяли его с богатым золотом, а дело почему-то не завели… Но стал с тех пор Проша постукивать на ребят. А еще он, гнида такая, имеет привычку лазить по чужим выработкам: пронюхает, у кого где хорошее золотишко – и втихаря туда!.. Уже и били его за это – не помогло!

– Где завтра встречаемся?

– Утром, к пяти часам, приходи ко мне. К этому времени я всё приготовлю. Дробилка пуда на два потянет, если не больше, я ее, слышь, не смогу тащить, придется тебе.

Дробилка действительно оказалась очень тяжелой. Вик-

тор едва смог подняться на ноги с рюкзаком, в который ее поместили. У Васьки тоже набралось груза достаточно: большой моток электрического провода, лампа-переноска, пара жестяных ведер, специальные резиновые коврики для улавливания золотых крупинок, гвозди и всяческие подсобные инструменты. От Васьки пошли огородами, таясь, оставляя темный след на травянистой меже, серебряной от росы.

Добрались до Черной дыры, кое-как спустились на фартовый горизонт. Подвели из соседней шахты электричество, наладили свет, подключили дробилку и за несколько часов, работая почти без отдыха, перемололи весь рудный отвал в крошку.

Потом Васька из трех досок, выломанных в крепи соседней рассечки, соорудил длинный наклонный желоб, уложил на дно его резиновые коврики, насыпал на верхний конец желоба золотоносной крошки, притащил из соседней рассечки ведро воды и показал, как получают золотой песок: легкие кварцевые частички смывались водой, а тяжелые крупинки золота застревали в рубчиках ковриков. Перемыли ведро крошки и получили почти полную ладонь золотого песка с небольшой примесью сульфида.

Васька пустился в пляс от восторга: такой жилы он еще не встречал!

– Вот это фарт так фарт! – кричал он. – Если так пойдет, то тут, Витюха, хватит не только кредит твой закрыть, но мне купить приличную квартиру в городе!.. Если ты меня здесь

не грохнешь, конечно…

– У тебя что, крыша поехала? – обиделся Виктор.

– Да шучу я, шучу!

Сил уже не было, поэтому вернулись на базу, поели и в радостно-возбужденном состоянии легли спать. Свет переноски решили не отключать, чтобы не наглели крысы.

Проснулись разом от жуткого, леденящего душу воя. Он доносился из дальнего, неисследованного конца штрека. Вой, казалось, проникал под кожу, заставляя вибрировать каждый нерв, каждую клеточку тела. Он то затухал, то усиливался. И это был не один звук, а множество переплетающихся голосов, сливающихся в какой-то безумный хор. Словно тысячи безутешных женщин рвали на себе волосы, рыдая и вопя над гробом.

Васька, трясясь, с бледным лицом, спешно стал собирать вещи.

– Мутанты! – сказал он дрожащим голосом. – Бежим, нахрен, отсюда скорей!

– Это, наверное, волки воют…

– Откуда т-тут в-волки, бля, под землей?..

– Волки наверху, а звук, наверное, доносится по вентиляционному стояку… А может, просто ветер воет в стояках, – неуверенно сказал Виктор. – Чушь это всё, про мутантов!.. Выброс из головы!.. Пойми, Васька, я не могу уйти отсюда без золота!

– Как хочешь, мне жизнь дороже! – Васька сунул в рюкзак

мешочек с золотым песком и побежал в сторону шахтного ствола.

И странно, едва звук его хлябающих незашнурованных ботинок затих, стал умолкать и этот выворачивающий душу вой. Прошло минут пять, и ничто больше не нарушало привычную уже подземную тишину.

«Подожду еще немного и начну мыть золото», – подумал Виктор.

Он устроился на лежанке и затих, прислушиваясь. Мерно капала вода с потолка. Виктор автоматически стал считать и не заметил, как уснул.

И вот он проснулся. Один, в темноте. Заблудиться Виктор не боялся: к стволу можно выйти по проводу, а подниматься по лестницам наверх можно и без света, на ощупь. Волновало другое: сможет ли он в темноте мыть золото?.. Конечно, был соблазн уйти сейчас на поверхность, в поселок, а потом вернуться с работающим фонарем и новой лампочкой. Но… золото не отпускало!.. Вот оно лежит сейчас перед ним кучей золотоносного песка… А вдруг вернуться не получится, или, пока он ходит, рудную залежь обнаружат другие старатели?..

Виктор руками нагреб каменной крошки на желоб, нашел в темноте ведро, сходил за водой и вылил ее на песок, как это делал Васька. Ощупал мокрые резиновые коврики: есть в рубчиках крупинки! Он аккуратно собрал всё с ковриков и ссыпал в брезентовый мешок. Подержал мешок на ладо-

ни – тяжелый! Значит, получается! Отставив мешок, повторил процедуру.

Так он работал без остановки, закрыв за ненадобностью глаза, пока не намыл золотого песка столько, сколько мог унести. Получилось почти половина брезентового мешка. Виктор не мог сказать, сколько времени ушло на это. Может быть, пять часов, а может, целый день, а то и больше. Шатаясь от усталости, он с трудом оторвал от земли влажный мешок, вложил его в рюкзак, рюкзак навьючил на спину… и вдруг почувствовал, что кто-то стоит на выходе из рассечки, перекрывая ему путь в штрек.

– Кто здесь? – дрогнувшим голосом спросил Виктор, лихорадочно обдумывая способы защиты. Никто ему не ответил, слышалась какая-то возня, кто-то дышал учащенно. Вдруг какой-то омерзительный зверь, размером с собаку, с острыми когтями на лапах, прыгнул ему на грудь. Виктор ощутил смрадное дыхание, услышал лязг челюстей – зверь пытался схватить его за шею. Охваченный страхом, Виктор ухватил животное двумя руками за короткую шерсть и отшвырнул. Длинный голый хвост ударил его по лицу.

И тут Виктор почувствовал под ногою лом, он взял его в руки, сделал шаг вперед и махнул им перед собой. И почувствовал, что попал: хрустнули кости, раздался истошный визг, который вдруг усилился многократно. Виктор понял, что рядом с ним не одно животное, а целая стая, и они теперь терзают подбитую им особь. Также он ясно себе пред-

ставил, что у него в распоряжении всего несколько секунд, чтобы найти лучший, чем махание ломом в темноте, способ спасения.

«Электрический ток – вот что поможет!» – пронеслось в голове у Виктора.

Он кинулся туда, где должна была стоять дробилка, наткнулся на нее, едва не опрокинув, потом нащупал провод и, почти теряя сознание от натуги, срывая кожу на пальцах, отсоединил сначала один контакт, потом другой. На миг оголенные концы соприкоснулись, брызнули искры, и в яркой, почти ослепившей его вспышке света Виктор увидел свору гигантских крыс с окровавленными мордами, уже готовых броситься на него. Искры погасли, вновь воцарилась кромешная тьма, и Виктор, держа провод с разведенными концами перед собой, двинулся к выходу.

Первая крыса-мутант бросилась на него и, попав под напряжение, с отчаянным визгом бросилась прочь. Затем вторая повторила ее судьбу. Третья упала замертво под ноги… Остальные затихли, почуяв неладное… и вдруг Виктор понял, что они отступают. Водя концом провода из стороны в сторону, он вышел из рассечки и поспешил в сторону шахтного ствола.

Он почти бежал, левой рукой касаясь стенки штрека. Ладонь правой руки скользила по проводу – его спасительной путеводной нити. Оголенный конец провода Виктор бросил на первых метрах своего бегства, когда провод за что-то за-

цепился. Главное было не споткнуться: Виктор не был уверен в том, что гигантские крысы окончательно от него отстали, и ему казалось, что если он упадет, то хвостатые мутанты уже не дадут ему подняться.

Виктор был в полном изнеможении, когда добрался до ствола. Тем не менее страх гнал его дальше, и, не давая себе ни секунды передышки, он полез по лестнице наверх. Добрался до следующего уровня и только после этого перевел дух и позволил себе передохнуть. Он лежал на сыром каменном полу и прислушивался, пытаясь сквозь бешеный стук сердца уловить звуки погони.

Ничего не было слышно, но потом к Виктору пришли мысль, что крысы-мутанты могут не хуже его карабкаться по лестнице, и он с усилием поднялся на ноги и снова полез вверх.

Виктор лез и лез, переходя с лестницы на лестницу, делая краткие передышки в камерах. На каком-то горизонте он вдруг услышал шорох и крысиный писк и обмер, и вмиг облился холодным потом, но через мгновение понял, что это другие, обычные, крысы, и даже обрадовался им как каким-то родным существам. Их было необычно много, этих крыс. И они не разбегались, как бы громко Виктор ни кричал и ни топал ногами, желая их распугать. Причину этого он понял, когда подошел к лестнице, ведущей на следующий горизонт, и споткнулся обо что-то большое и тяжелое, лежащее на полу. Виктор протянул руку вниз, и она попа-

ла в нечто мокрое, липкое и холодное. Виктор сдвинул руку, ощутил что-то твердое. В следующий миг он понял, что это шахтерская каска… Холодея от ужаса зарождающейся догадки, Виктор потрогал в другом месте – и страшная истина открылась ему во всей своей кошмарной непоправимости: у его ног лежал труп Васьки, изъеденный крысами.

Не помня себя, Виктор бросился по лестнице вверх и когда уже почти добрался до следующего уровня, вдруг едва не рухнул вниз с многометровой высоты – одной перекладины на лестнице не было совсем, обломок другой болтался на одном гвозде. Виктор понял, что именно отсюда сорвался Васька. Рюкзак за спиной с огромной силой тянул Виктора вниз, но нужно было лезть вверх, не смотря на отсутствие перекладин.

Неожиданно крысиный визг внизу резко усилился, стал другим, паническим. Лестница задвигалась и задрожала под сильными ударами. «Крысы-мутанты отбивают у обычных крыс Васькин труп!» – подумал Виктор. Он вытянулся на лестнице во весь рост, нащупал вверху исправную перекладину и стал подтягиваться, одновременно цепляясь ногами за гвозди и неровности на жердях. Вдруг он почувствовал, что кто-то лезет по лестнице вслед за ним. Виктор, рискуя сломать перекладину, дернулся вверх, в это время чьи-то острые зубы вонзились в его ботинок. Почти умирая от ужаса, Виктор другой ногой нанес удар по напавшей на него твари, ботинок сорвался с ноги, и тварь полетела

вниз, стуча по перекладинам. Виктор сделал еще рывок и вывалился из колодца на дно верхней камеры. Не позволив себе и самой краткой передышки, напрягая остатки сил, бросился к следующей лестнице – и вверх, вверх, вверх…

Опомнился Виктор лишь тогда, когда вылез из Черной дыры на поверхность. Он скинул рюкзак и упал навзничь в траву. В безмятежном небе занималась утренняя заря. Из спящего поселка доносился задорный крик петухов, а по склону Лысой сопки поднимался к нему… Васька Пьяных собственной персоной. Был он сосредоточен и суров лицом, а на плече его висело двуствольное ружье.

– Васька!

– Витюха!

Друзья бросились в объятия друг друга, восклицая одно и то же:

– Ты живой?.. Ты живой… Ты живой!

– Не только живой, но и с золотишком! – Виктор небрежно пнул рюкзак с добычей. – А ты на охоту?.. Вроде бы не сезон…

– Издеваешься! – обиделся Васька. – Тебя спасать иду!.. Как только раздобыл ружье, сразу собрался…

– А я уже решил, что это твой труп там лежит, крысами изъеденный.

– Где?

– В одной из камер ствола, где-то на середине глубины… Там с лестницы кто-то сорвался… У меня фонарь давно

не светит, и я думал, что это ты.

– Всё-таки он полез!

– Кто?

– Прохор, – Васька стянул вязаную шапочку с головы. – Он же выследил нас, когда мы за дробилкой возвращались. А потом, выходит, увидел, что я снова дома, и поперся крысятничать… Да, такие дела… Хоть и с говнецой был человек, а всё равно жалко…

Помолчали немного, потом Васька попросил:

– Покажи, что намыл.

– Имей в виду, я в полной темноте работал – и лампочка перегорела, и батарейка сдохла, – сказал Виктор, развязывая рюкзак и мешок.

– Сейчас посмотрим, – Васька запустил руку в мешок и вытащил горсть песка. – Ну… неплохо, Витюха, неплохо!.. Примесей, конечно, полно, но, если в темноте, то ты молодец!.. Кредит закроешь – это точно!.. Ты всё там перемыл?

– Еще, наверно, больше половины кучи осталось.

– Клёво!.. Тогда предлагаю сейчас это золото здесь где-нибудь спрятать и пойти домыть остаток.

– Нет, Вася, извини, я такого там натерпелся, расскажу – не поверишь!.. Я туда больше не пойду ни за какие бабки и тебе не советую… А это золото давай поделим пополам.

– Что же там такое?

– Мутанты… крысы-мутанты размером больше твоего Полкана.

– Да ну! – не поверил Васька.

– Смотри! – Виктор раздвинул лохмотья изодранной рубашки и показал кровоточащие следы крысиных когтей на груди и животе.

– Ни хера себе!.. Однако!.. Но теперь у нас есть вот такая пушка, – Васька потряс ружьем, – и полсотни картечных патронов!

– Нет, Вася, нет… Может быть, потом…

– Потом поздно будет… Прохора хватятся дня через два, начнут искать, народу навалит в шахты без счету, и, зуб даю, наткнутся на наше место… А там наши вещи, дробилка… Тогда срок за незаконную добычу нам обеспечен, а то еще и убийство Прохора пришьют… Нет, надо срочно спускаться, домыть крошку, а потом завалить вход в рудный штрек… Там, походу, в забое еще руды полно осталось… Позже, когда всё утрясется, можно будет снова спуститься…

– У тебя батарея запасная к фонарю есть?

– А как же! – расцвел в улыбке Васька.

Через десять дней жители Вершино-Дарасунского стали свидетелями того, как судебные приставы выселяют семью Кузнецовых из дома. Кузнецовы вышли на улицу с чемоданами и узлами в руках. Мать не могла сдержать обильных слёз, ведь она прожила в этом доме больше сорока лет. Сын и дочь крепились. Соседи, стараясь не сильно светить радостными лицами, выносили из их дома старую мебель – выселенцы

решили ее не забирать. Подъехала грузовая газель.

– Куда вы теперь? – спрашивали люди у Кузнецовых.

– Не знаю, ничего не знаю, – отвечала мать, горько рыдая.

– Ироды! – кричали люди приставам. – Как вам не стыдно!

Виктор загрузил вещи, устроил мать и сестру в кабину, сам забрался в кузов, и машина тронулась.

Пять часов спустя газель въехала в Читу и вскоре остановилась перед новым многоэтажным домом. Виктор выпрыгнул из кузова, открыл дверь кабины и помог матери спуститься на землю.

– Смотри, мама, в этом доме мы теперь будем жить!

Окно на втором этаже распахнулось, из него выглянул Васька Пьяных и закричал:

– Привет, соседи!.. С приездом!

Ночное танго

Мы встречались с Верой почти каждую ночь. Из календаря наших свиданий выпадали только даты, на которые приходились дни моих круглосуточных армейских нарядов и ее ночные дежурства в аптеке. Когда поселок накрывала темнота и улицы становились малолюдными, я пробирался к ее дому, избегая освещенных мест, и даже меняя, насколько возможно, свою походку и осанку.

В условленное время она заранее отпирала дверь, чтобы я стуком не привлек внимание соседей. Преодолев вдоль стены (так меньше скрипели деревянные половицы) пространство подъезда, я осторожно приоткрывал дверь в темноту ее квартиры и, затаив дыхание, перешагивал через высокий порог. Призрачное движение женского силуэта скорее угадывалось, чем виделось, и через миг я попадал в жаркие объятия, и жадные ищущие губы обжигали мое лицо. Я сразу терял голову, подхватывал эту маленькую женщину на руки и, натыкаясь в темноте на какие-то предметы, нес ее на кровать и овладевал ею яростно, неистово и почти что, как говорят в армии, не снимая портупеи.

Вера переносила мой натиск с терпеливым спокойствием опытного путника, пережидающего в надежном укрытии громы и молнии скоротечной грозы. Что ее занимало в эти минуты, так это сохранность одежды, от которой я ее остер-

венело освобождал, пробиваясь кратчайшим путем к желанной цели.

Потом, насытившись, я отваливался от нее и лежал на спине с виноватой улыбкой, постепенно приходя в себя. Вера меж тем, посмеиваясь воркующе, снимала с себя и с меня остатки одежды. После этого она поднималась с постели, зажигала ночную лампу и включала тихую музыку. Первым всегда звучало ее любимое старинное танго «Маленький цветочек». Покачивая бедрами в ритме этого танго, она приближалась ко мне, танцуя и дразня.

И начиналось действие второе, в котором уже она играла главную роль, и в котором она была еще и режиссером, умело на протяжении всего действия сохраняющим интригу и оттягивающим кульминацию.

Затем следовал антракт. Взмокшая и не менее меня в этот раз обессиленная Вера лежала в моих объятиях. Отзвуки отшумевшей бури сотрясали ее тело, и она сладко постанывала, и вновь, и вновь шептала мне нежные, безумные слова.

После третьего действия, в котором я также был лишен какой-либо инициативы, ко мне приходили угрызения совести. Вера в это время обычно занимала меня историями из своей жизни. Я лежал рядом с ней, слушая в пол-уха, пытаясь улыбаться в нужных местах, и думал: «Как же я посмотрю Петрову в глаза, когда он вернется из командировки?» Думал я и том, что уже, наверное, третий час, а мне рано вставать на службу, и вообще предстоит трудный день…

Словом, осторожные попытки Веры склонить меня к действию четвертому, как правило, успеха не имели…

Вера не смела меня удерживать, я поднимался с постели и, сопровождаемый ее нежным взглядом, одевался, собирая по комнате свою одежду. Когда я был готов, она тоже вставала, провожала меня до двери и, наградив прощальным поцелуем, выпускала на волю.

Обратный путь я проделывал с соблюдением все той же маскировки, и только достаточно удалившись от дома Веры, расслаблялся и вздыхал свободно. Поселок спал… За сопками, на стрельбище, стучали, словно бешеные дятлы, пулеметы; небо озаряли всполохи трассирующих очередей – мотострелки проводили ночные стрельбы. Я брел и думал, что это скверно – то, что мы делаем с Верой, – и давал себе обещание больше с ней не встречаться.

Однако уже к середине следующего дня нестерпимое желание вновь овладевало мною. Занимаясь каким-нибудь делом, я внезапно замирал, самые яркие моменты нашей близости вдруг всплывали в моей голове, я задыхался от страсти и едва удерживался от того, чтобы прямо сейчас же, игнорируя все конспиративные соображения, бежать к ней на работу, в аптеку, и, может быть, где-нибудь там, в подсобке… о, боже!

В дни, когда мне предстояло заступать в наряд, я, уходя днем из гарнизона, брал в солдатской пекарне буханку свежеиспеченного хлеба и заносил ее Вере домой или в апте-

ку. Это был знак, что этой ночью меня не будет. Все офицерские семьи снабжались хлебом из солдатской пекарни, да и сам Петров перед отъездом попросил меня при случае брать в пекарне хлеб и для его жены.

Несмотря на все мои уловки и мастерство перевоплощения, даже и не очень любопытный житель поселка, встретив меня пару раз ночью у дома Веры, мог прийти к вполне определенным выводам. У ее же соседей давно уже, думаю, было ясное представление о том, что происходит по ночам в квартире их одинокой соседки, так как в минуты наивысшего восторга Вера издавала такие крики, что я, – как бы ни был поглощен страстью, – всякий раз опасался услышать с другой стороны стены стук, призывающий нас к порядку.

А однажды они имели возможность лицезреть меня воочию. Как обычно, в третьем часу ночи Вера открыла дверь, выпуская меня домой, я шагнул за порог… и оказалось, что дверь соседской квартиры раскрыта настежь, а сами соседи и их гости сидят на пороге и просто стоят на лестничной площадке, покуривая тихонько после позднего застолья. Смутившись от неожиданности, я, тем не менее, культурно поприветствовал компанию, глядевшую на меня во все глаза… Вера тоже проявила чудеса самообладания: держась за ручку распахнутой двери, она, одетая в ночную рубашку, с распущенными волосами, с лицом, еще не остывшим от страсти, сказала вполне буднично, более обращаясь к ним, чем ко мне:

– Спасибо, лейтенант Копылов, что вы занесли мне хлеб!

– Не за что, Вера! Обязательно занесу еще! – пообещал я ей.

Инсценировка наша прошла при полном молчании зрителей, и лишь на выходе из подъезда я услышал за своей спиной: «Ты понял, Григорий? Теперь это называется заносить хлеб…»

…Я не сгорел от стыда при встрече с Петровым, а он, как выяснилось, не умел читать по глазам. Первые дни после его возвращения я еще опасался, что он узнает о моих ночных визитах к его жене, но потом я успокоился и хотел только поскорее вычеркнуть происшедшее из памяти. Сказал же Апулей: то, о чем никто не знает, как бы и не существует.

Дом

23 апреля Степану Протасову исполнилось пятьдесят три года. День был субботний, нерабочий, но Степан всё равно проснулся рано, в начале восьмого. Из раскрытого окна теплыми волнами шли в дом прелые запахи весны, доносился радостный птичий гомон. Небо сияло голубизной, солнечные лучи прошивали комнату насквозь. Степан сел на кровати, сунул ноги в холодные сланцы, глянул в настенное зеркало, увидел там грузного мужчину с красным, помятым со сна лицом.

Натянув треники, Степан прошел на кухню, достал из холодильника кастрюлю и прямо через край, помогая ложкой, наполнил супом глубокую тарелку. Поставил тарелку в микроволновку, включил разогрев.

С остатками супа в кастрюле вышел во двор. Лохматый Буран загремел цепью, выбираясь из будки, радостно замотал хвостом. Степан вылил суп в большую алюминиевую миску. Получилось до самых краев. Пёс стал громко лакать, прижимаясь к Степану теплым боком.

Степан сел на сосновую, с янтарной корой, чурку, достал сигареты и закурил, с гордостью оглядывая свое хозяйство: дом в два этажа, стайку саженцев-подростков подле дома, дощатый сарай с тяжелым навесным замком, свежий деревянный остов парника у прошлогодней оплывшей грядки

и большую рубленую баню в противоположном конце двора. Всё это Степан построил своими руками. Ну, или почти всё.

«Настоящий мужчина должен посадить дерево, вырастить сына и построить дом»… Деревьев в своей жизни Степан посадил немало – если считать от пионерских лет, то получится небольшая роща. Сына родил и уже, можно сказать, вырастил – как-никак семнадцать лет!.. А вот теперь и дом построил. Осталось только внутреннюю отделку второго этажа закончить, но это уже пустяки: месяц, другой – и всё будет готово!

Строить дом Степан начал пять лет назад, когда здесь, в Баклашах, в двадцати километрах от города, подвернулась недорогая земля. Тридцать соток на окраине деревни, с двух сторон молодой лесок, еще с одной – озерцо, за которым тянется заброшенное колхозное поле. Простор!.. По соседству только одна семья, да и то через дорогу.

Тогда же в городской технической библиотеке нашел типовой, советский ещё, проект сельского дома. Толстая такая папка с очень детальными чертежами. Всё скопировал. Взял на работе ссуду, сколько дали, и её как раз хватило, чтобы заплатить за участок и нанять экскаватор для устройства котлована. Степан работал в небольшой, но крепкой торговой фирме заместителем директора по хозяйственным делам, и в его распоряжении всегда был японский грузовичок с краном в кузове, который он сам и водил. Цемент подвезти, щиты для опалубки, арматуру, пиломатериалы –

нет проблем!.. Всю свою зарплату с этих пор Степан тратил на стройку. Дом решил строить монолитно-бетонный – это позволяло обходиться своими силами: приехал после работы или в выходной, сделал сколько получится замесов и поднял еще немного стены. Вообще, Степан был из тех, у кого руки растут откуда надо. Конечно, при укладке перекрытий приходилось нанимать большой автокран, а на копку траншей и на другую черную работу приглашать местных ханыг, с которыми можно было рассчитаться в конце дня всего лишь парой бутылок водки… Штукатурила дом и внутри и снаружи многодетная соседка Валька, профессиональная штукатурщица. Брала она недорого, так как другой работы в деревне у нее не было.

Семья жила на зарплату жены. Когда началась стройка, дочери было семнадцать лет, сыну исполнилось двенадцать – на одну одежду только успевай раскошеливаться!.. Однако Любаня к этому времени стала зарабатывать неплохо, так что её денег вполне хватало, хотя и жили скромно, без барства.

Степан поднялся с чурки, сморщился от боли, разгибая спину. Что вчера такого делал?.. Всего-навсего перенес доски на второй этаж – и вот, пожалуйста, в поясницу словно гвоздь вбили… и в ногу отдает. Одышка появилась… А прошлым летом таскал мешки с цементом – и ничего!.. Все-таки надо как-то бросать курить.

После завтрака обшил парник пленкой (пусть земля про-

гревается), потом стал перекапывать картофельную грядку. Поглядывал на часы, смотрел то и дело на мобильник: работает ли?.. Могли бы уже и позвонить, поздравить… Или решили поздравить при вручении подарков?.. Любаня-то сегодня выходная, а дети до обеда заняты – сын в школе, дочь в институте – пока домой придут, пока соберутся в дорогу… так что раньше трех ждать их здесь не стоит.

В двенадцать затопил баню, затем спустился в подвал, набрал картошки из ларя. Своя картошечка – гладкая, ровная, одна к одной! Выкроил прошлым летом время, посадил… Осенью, с горем пополам, уговорил сына приехать, помочь собрать урожай. Пять мешков накопали с небольшой, в общем-то, грядочки! Всю зиму ели и еще вон сколько осталось!.. То ли еще будет!.. Надо купить у Вальки рассады помидорной, высадить в парник.

Конечно, они привезут к столу разной еды, деликатесов, но он тоже кое-что приготовит… Картошка очень вкусная, ее просто отварить в мундире и ничего к ней не надо – она сама как деликатес!.. И вдобавок борщ!.. Как дети любят его борщ!.. Любаня готовит борщ вроде бы так же, а всё равно у нее такой вкусный не получается!.. Всё, что нужно для борща, закуплено еще вчера, так что можно приступать.

В начале третьего разжег в гостиной камин. Хороший камин, большой, облицован розовым гранитом. Обеденный стол придвинул ближе к огню, чтобы тепла всем доставалось. На улице-то уже неделю жара стоит, а в доме еще прохладно,

пол еще холодный от подвала, зря сэкономил на утеплителе!

Сходил, проведал баню. Всё нормально: и вода согрелась, и пар ядрёный! Приедут – первым делом в баньку, а потом за стол, к камину!.. Вот тут-то они и поймут, что такое настоящий свой дом!..

Любаня с самого начала к стройке относилась прохладно, даже, можно сказать, была против. Может быть, из-за того, что Степан не посоветовался с ней, когда брал ссуду и покупал участок. Хотел удивить, обрадовать, а вышло наоборот. И раньше-то у них отношения были сложные, а из-за стройки стали еще сложнее.

Любаня говорила, что она не желает терпеть лишения (какие лишения?.. ну, в отпуск не поехать за границу – это разве лишения?) ради сомнительного удовольствия жить в глуши (какая глушь?.. двадцать минут от города, рейсовый автобус каждый час!).

Дочка с самого начала поддерживала мать, давая понять, что в строительстве дома на ее помощь рассчитывать не стоит. Сын, когда был пацаненком, ездил в Баклаши с удовольствием, помогал как мог, но потом пошли друзья, интернеты, игры компьютерные – короче, стал Егорка сачковать, вроде как ему дом в деревне тоже не нужен.

Четыре с лишним года Степан проводил на стройке почти все вечера и выходные, а когда началась отделка, совсем сюда переселился – а то стали пропадать инструменты и дорогие стройматериалы. Валька, конечно, присматривала по-

соседски, но какой из нее сторож?.. У самой забот полон рот: детей – семеро по лавкам и муж – алкаш!.. Может быть, он сам и таскал…

После трех часов Степан забеспокоился. Позвонить, что ли?.. Но как-то неудобно имениннику о себе напоминать… Сами-то дети вообще-то могли и не вспомнить, что у отца день рождения. Даже про наступающий день рождения матери обычно Степан им напоминал, чтобы заранее начинали готовить подарки… Дети не вспомнили, а Любаня… А Любаня в обиженной позе… Крепко поссорились с ней неделю назад…

Как обычно, в воскресенье, под вечер, Степан приехал на городскую квартиру. Проведать семью, починить, если что сломалось… Ну и картошки завез заодно, а также всяких магазинных продуктов на неделю, чтобы им на руках не таскать. Любаня была дома, а короеды где-то гуляли. Сначала всё было спокойно: попили кофе, поговорили о детях… А потом Любаня сказала, что собирается купить машину в кредит, за миллион рублей. Не даст ли он ей денег на первоначальный взнос? Нужно сто тысяч…

Любаня знала, что такая сумма у Степана есть. Скопил на забор. Ограждение, оставшееся от старого хозяина, было позорным – ржавая, местами дырявая рабица.

– Зачем тебе машина? – сказал Степан, сдерживая раздражение. – До работы – два шага!.. Если куда еще надо, я всегда на «Дюне» отвезу.

– А ты не думал, что мне стыдно ездить по городу на грузовике? – повысила голос Любаня.

– Да куда тебе ездить-то?

– У нас девчонка-секретарша на работу на иномарке приезжает, а я, начальник отдела, на своих двоих ковыляю!

– Ага, значит, тебя заело, что у секретарши машина, и поэтому мы должны спустить миллион!

– Как ты не поймешь, что в моем положении не иметь машину – неприлично?

– Любаня, – как можно мягче сказал Степан, – закончим со стройкой – и купим тебе машину!

– Я всё время у тебя на последнем месте! – В голосе Любани послышались истерические нотки.

«Сейчас начнется…» – подумал Степан.

– Всю жизнь мне изговнял! – уже во весь голос кричала Любаня. – Жмот несчастный!.. Задолбала уже эта твоя стройка!

Степан молча поднялся и пошел к выходу.

– Иди, иди! – кричала ему вслед Любаня. – Можешь вообще больше здесь не появляться!

Степан потрогал кастрюлю с борщом. Совсем остыл. Зазвонил мобильник… Наконец-то!.. Нет, это не они… Юрка Попов.

– Алло! – сказал Степан, стараясь придать бодрости голосу.

– ЗдорОво, кулацкий элемент!.. Поздравляю с Днем рож-

дения!.. Всех тебе благ, Стёпа… Счастья личного и семейного!.. Дом успешно достроить!.. Или уже достроил?..

– Почти… Привет, Юра!

– Значит, достроить окончательно и со знаком качества!

– Спасибо, спасибо!

– У вас, наверно, сейчас пир горой?.. Вы где – в городе или в деревне?

– В деревне…

– А дай-ка Любане трубочку…

– Э-э… её нет, она… в бане сейчас…

– Ну, передавай ей привет и «с легким паром!»

– Спасибо!.. Обязательно передам… Твоим привет!..

– Передаю… Наталья тут спрашивает, когда уже вы к нам в гости приедете?.. Давайте в июне, на белые ночи, погуляем по Питеру, по Неве…

– Нет, в этом году вряд ли у нас получится: и по дому много еще работы, и участок надо в порядок привести…

– Ну вот, и так каждый раз!..

– Приедем еще, Юра… Какие наши годы!..

– Ну ладно, будь!..

– Всего, Юра!..

Юрка Попов – друг молодости, вместе учились в институте, вместе потом работали в геодезической экспедиции, мотались по БАМу… Летом – полевые работы, житьё в палатках и вагончиках, зимой – обработка материалов в городе, общага… Сейчас Юрка большой чиновник в Питере, но всё

равно не забывает.

За окном стояла темнота. Ровный жар шел от камина. Потрескивали головешки, искры взлетали, как маленькие фейерверки. Языки пламени поднимались и опадали в нервной пляске.

Степан потянулся с кресла, взял полено и положил в огонь. Рядом с ним, на полу, стояла початая бутылка водки, другая бутылка, уже пустая, каталась под ногами… Алкоголь не приносил привычного расслабления, мутило, тягостные мысли крутились в голове.

«Как-то всё наперекосяк выходит… Свой дом – это то, что должно сплачивать семью… Почему у нас получается иначе?.. Как они, жена, дети, не могут понять, что не для себя я его строю, а для них и для будущих внуков?.. Чтобы хоть у внуков был настоящий отчий дом, родовое гнездо… Какой отчий дом из городской квартиры?.. Смешно!.. Можно сделать в ней самый распрекрасный ремонт, но всё равно найдется жлоб-сосед, который нахаркает у тебя под дверью или накарябает в подъезде похабное слово!.. Конечно, всё идет от Любани!.. От ее постоянного желания сделать мне наперекор, овиноватить, доказать свое превосходство, уязвить при случае… Словно мстит за что-то!.. Испортил ей жизнь, как она часто говорит?.. Тут еще надо посмотреть, кто кому больше испортил!..»

Они познакомились летом 1989 года. Любаня была

школьным учителем, преподавала английский, и приехала на каникулы в геодезический отряд, которым руководил Степан. В отряде работала её сестра, она и пригласила Любаню вкусить таёжной экзотики, заодно и денег подзаработать. Любаня обладала довольно крупным сложением, и черты ее лица хотя и были правильными, но не имели той тонкости, которая делает женщину привлекательной. Не мудрено, что к тридцати своим годам она оставалась незамужней, тем более что учительский коллектив, где она вращалась, почти на сто процентов состоял из женщин.

Работала Любаня записатором – вела полевые журналы, рисовала абрисы и кроки, с утра до вечера была при Степане. Она оказалась хорошим помощником, быстро вникала в суть дела, проявляла завидную смекалку. Степана приятно удивило, что и в свободное от работы время Любаня продолжает заботиться о нем, опекает словно старшая сестра.

С какого-то времени он начал замечать у Любани то, чего не увидел сразу: плавность и женственность движений, большую высокую грудь, красивые, с лукавинкой, глаза, трогательные завитки на обнаженной шее… Степан стал думать о Любане по ночам. Однажды поздним вечером, после того как они обсудили в его вагончике планы на завтра, он, уже проводив ее до двери, наконец решился и неловко обнял…

Они старательно скрывали свои новые отношения, хотя, конечно, все в отряде знали, что записаторша чуть ли не каждую ночь остается у начальника.

Когда в конце августа Любаня уезжала из отряда, они обменялись телефонами, и Степан сказал, что сразу позвонит ей, как только появится в городе.

Отряд вернулся с полевых работ в середине октября. Степан поселился на своем месте в общежитии, в одной комнате с Юркой Поповым. Тот в поле уже не ездил, пошел по административной линии. Первые дни после возвращения в город – самые суматошные и хлопотные, и позвонить Любане всё как-то не было времени. К тому же, как это всегда случалось после долгого пребывания в таежной глуши, город поразил обилием красивых женщин. Степан теперь ясно представлял, что Любаню к их числу вряд ли можно отнести.

Она позвонила сама на общежитский номер, когда он был в городе уже больше двух недель. Не дослушав до конца его путаных оправданий, Любаня сообщила о своей беременности. Степан растерялся и замолчал, не зная, что сказать. Потом позорно сделал вид, что связь прервалась, закричал в трубку: «Алло!.. алло!..» – и выдернул телефонный шнур из розетки.

Юрка посоветовал Степану не париться:

– Ну, проверил семя на всхожесть – обычное дело!.. Ты же не обещал ей жениться, верно?.. Так что это ее сугубо личное дело и ее сугубо личная проблема!.. Или у вас любовь?

– Да какая там любовь!.. – махнул рукой Степан.

Ночь Степан провел в раздумьях. Весной ему исполнилось тридцать один: пришла пора остепениться, завести

семью… Любаня, наверно, не самый худший вариант: заботливая, внимательная, умная… Конечно, не фотомодель, но ведь и он не писаный красавец… Опять же, если она ребенка оставит, он что, так и будет жить без отца при живом отце?.. Легко Юрке судить со стороны, но еще неизвестно, как бы он сам поступил, случись с ним такое?

Утром Степан позвонил Любане, сообщил, что связь починили… Спросил, не ослышался ли он: вроде она про беременность что-то сказала?.. Любаня ответила, что не ослышался… Степан сказал, что очень рад, и предложил встретиться… Последовала пауза, затем Степан услышал, как Любаня тихонько заплакала.

Начались приготовления к свадьбе: подали заявление в загс, купили Степану строгий костюм, Любане пошили свадебный наряд, заказали кафе недалеко от общежития. И за всеми этими хлопотами не оставляло Степана ощущение, что он попался в ловушку.

Свадьбу сыграли скромную. Юрка был и свидетелем, и тамадой. Неделю прожили у родителей Любани, а потом сняли развалюшку в частном секторе – то ли хлев какой-то бывший, то ли амбар. Тут впервые пригодились плотницкие навыки Степана (спасибо отцу, научил): вставил вторые рамы, соорудил завалинку, утеплил двери, поправил печурку… Перезимовали… Весной родилась Аннушка. Очень похожая на Любаню, но симпатичней… «Улучшил породу…» – заметила мать Степана, прилетевшая с Украины по-

смотреть на внучку.

С рождением дочери сразу столько забот привалило – только успевай поворачиваться!.. Тем более что никаких коммунальных удобств в хибаре не имелось: туалет – будка во дворе, вода – в колонке на улице… Но, странное дело, никогда с тех пор они с Любаней не жили в таком ладу и согласии… Нет, конечно, уже и тогда, если что, она могла показать характер.

Прошли и лето, и осень, и наступила необыкновенно холодная зима. Печь топили круглосуточно, но всё равно стены промерзали насквозь и иней в углах не таял… Забежал как-то Юрка, ужаснулся – и уже через неделю выбил им однокомнатную квартиру из какой-то особой экспедиционной квоты. Оказалось, очень вовремя – экспедицию вскоре закрыли.

Спустя два года у Любани, один за другим, умерли родители. К их двухкомнатной квартире добавили свою однушку и поменяли на трехкомнатную в центре. К этому времени Степан уже работал в этой торговой фирме, пока, правда, простым шофером.

Потом родился Егорка. После декрета Любаня в школу уже не вернулась, а устроилась переводчиком в представительство американской компании. Тогда же она поступила на вечернее отделение института народного хозяйства, чтобы получить второе, теперь экономическое, высшее образование. Американцы всегда ценили Любаню за усердие,

и с дипломом экономиста ее тут же перевели на вакантную должность начальника отдела.

У Любани появились друзья, с которыми Степан чувствовал себя неловко, да и Любаню он в этой компании стеснял своим присутствием… Кошмарным сном вспоминается Степану корпоратив по случаю пятилетия представительства, на котором, как сказала Любаня, ему нельзя не присутствовать. Специально для этого вечера купили костюм модного покроя, галстук, стильную рубашку и лакированные туфли. Туфли жали неимоверно, галстук душил, в костюме было жарко – пот струйками сбегал меж лопаток… Блюда со всяческими закусками, бутылки со спиртными и прохладительными напитками заполняли длинный стол. Стульев не было, ели стоя. Как лошади. Шумные, самодовольные американцы, приглашенные длинноногие девушки, похожие на девиц легкого поведения, надутый чиновник из областной администрации с чопорной своей женой, пара вертлявых пареньков – все, казалось, косились на Степана, обсуждая его неуклюжесть, его обветренное лицо и желтые мозоли на руках…

Выбившись в начальники, Любаня стала зарабатывать больше, чем Степан, и всё чаще теперь позволяла себе разговаривать с ним свысока. А вскоре и дочь-студентка переняла от матери манеру пренебрежительного превосходства в общении с ним.

Степан очнулся в кресле. За окном брезжил рассвет. Чу-

гунную голову распирало, шея затекла. Поднялся на ноги, скривившись от боли в пояснице, и в согбенном положении пошаркал к кровати. Упал на кровать, кое-как натянул на себя покрывало и замер. Боль понемногу стала отпускать…

Проснулся в двенадцатом часу. За окном снова праздник солнца. Накормил Бурана борщом, поел сам… Делать ничего не хотелось. И настроения не было, и спина продолжала болеть. К тому же боль отдавала теперь не только в ногу, но в левую часть груди.

Такое уже было со Степаном три с половиной года назад: загнал себя, спеша до морозов закончить стены первого этажа. С утра бегал по трапу вверх-вниз, как угорелый, таскал раствор… Под вечер почувствовал слабость, и заныло, заболело, как ему подумалось, сердце. Всё бросил, завел «Дюну», поехал домой. На въезде в город, у поста ДПС, боль резанула с такой силой, что перехватило дыхание. Едва не теряя сознание, включил аварийку, свернул на обочину, мешком вывалился из машины. Скорая прибыла через десять минут. Замерили давление, сняли энцефалограмму, дали каких-то таблеток, повезли в больницу. Пока ехали, боль отпустила, ушла совсем. В больнице выяснилось, что врачи займутся им только через два дня, потому что пятница. Попросил отпустить домой. Взяли расписку – и отпустили… В понедельник участковый врач поставил диагноз: межреберная невралгия, ерунда, в общем…

Настроение не настроение, а дела не ждут. Пошел к сосед-

ке за помидорной рассадой. Она с мужем сажала картошку.

– Не рано? – спросил Степан.

– Сади в грязь, будешь князь! – ответила Валька, смеясь.

За рассаду соседка денег не взяла. Вернее, взяла символические десять копеек, потому что, по примете, если совсем бесплатно, урожая не будет.

Шагая к парнику с ящиком, полным душистой рассады, Степан как обычно любовно глянул на дом – и остановился, пораженный… По фасаду сверху вниз тянулась темная извилистая трещина. Она начиналась под крышей, косо пересекала фронтон, нанизывала на себя окно второго этажа и спускалась ниже до окна гостиной на первом.

Степан облился холодным потом. Он поставил ящик на землю и, надеясь, что трещина не сквозная, что это всего лишь Валькина штукатурка лопнула, подошел к дому. На уровне первого этажа трещина была тонкой, и ничего толком о ее глубине сказать было нельзя. Степан кинулся в дом, в гостиную. Глянул: уф!.. нет трещины!.. Потом понял, что впопыхах перепутал окна, бросился к другому… Вот она, проклятая!

Не помня себя, Степан по ступенькам еще не крашенной лестницы взлетел на второй этаж, затем, перевернув в коридоре банку с олифой и опрокинув стремянку, продрался в комнату, где планировалась спальня сына… Здесь, под потолком, в трещину можно было засунуть ладонь, уличный свет сочился из нее…

– Да что случилось-то? – спросил Ярослав. В телефоне было слышно, что он находится на оживленной улице.

– Приедешь, увидишь… – ответил Степан.

– Ладно, буду через полчаса…

Ярослав работал прорабом в строительной компании. Степан познакомился с ним года три назад: скупал у него по дешевке стройматериалы, остающиеся после строительства коттеджей.

Пока Ярослав осматривал дом, Степан с тревогой и надеждой вглядывался в его лицо, стараясь прочесть в нем приговор ещё до того, как Ярослав его огласит. Пока же Ярослав ничего не говорил, только хмурился. Он обнаружил трещину, очень тонкую, и на противоположной стене дома. Затем они спустились в подвал.

Увидев насос, который откачивал воду из приямка, Ярослав непонятно промолвил:

– Ну да, так и есть…

Затем он попросил фонарик и после тщательно осмотра стен подвала обнаружил трещины и в них.

Вылезли из подвала на свет божий, сели на скамью у сарая, закурили.

– Ну что? – заглянул Степан Ярославу в глаза.

– Хреново!

– Я же всё по проекту делал, – сказал Степан. – Как могли лопнуть такие мощные стены?

– Стены не помогут, если фундамент неправильный…

– Так и фундамент у меня по проекту!

– На этом участке, Стёпа, вообще нельзя было строить дом с подвалом… Вон у тебя болото рядом, – Ярослав кивнул на озерцо, – это значит, где-то с полуметровой глубины начинаются грунтовые воды…

– У меня же насос откачивает.

– Это ты подвал спасаешь от затопления, а за стенами подвала у тебя гольная вода… Ты про морозное пучение слышал?

– Причем здесь морозное пучение?.. Сейчас же не зима!.. Вон жара какая стоит!..

– Не зима, – согласился Ярослав, – неделя, как не зима… Теперь смотри: зимой обводненный грунт вспучился, и дом твой поднялся, – Ярослав, держа ладони горизонтально, показал, как поднялся Степанов дом. – Резко наступила жара, на южной стороне дома грунт оттаял и опустился, – Ярослав опустил одну из ладоней, – а на северной, в тени – остался на месте… И всё – твой дом разломился пополам!.. Я думаю, в ближайшие дни трещины будут еще расширяться.

– А можно как-то исправить?

– Ну, я слышал, в подобных случаях иногда пытаются стянуть дом стальными лентами, но в итоге всё равно приходится дом ломать и строить на его месте новый… Я бы сразу начал ломать… Если надо, помогу с техникой, возьму недорого… Или другой вариант: сейчас ничего не делать, дождать-

ся лета, когда сильные движения прекратятся… потом снаружи обшить дом сайдингом, внутри обои поклеить – и продать по-быстрому, до морозов.

– Ты это серьезно?

– Вполне!.. Знаешь сколько лохов с деньгами?.. Сделаешь привлекательную цену – проглотят наживку только так!.. Эй, эй!.. С тобой всё нормально, Степан?.. Что-то ты какой-то бледный?.. Да не расстраивайся ты так, построишь еще себе нормальный дом!.. Степан, слышь, Степан!.. Ты чо?..

– Всё хорошо, Ярослав!.. – глубоко вздохнул и выдохнул Степан, приходя в себя. – Невралгия, будь она неладна… Всё, уже отпустило.

– Напугал… Ладно, я поехал… Звони, если что…

Ярослав вышел за калитку, сел в свой джип, посигналил на прощанье и тронулся по ухабистой деревенской дороге в сторону автотрассы.

Степан подождал, пока машина скроется за леском, потом не торопясь прошествовал в дом, открыл холодильник, вынул из него пластиковый контейнер с жареными куриными окорочками, начатый батон докторской колбасы и большой овальный кусок сыра в красной оболочке. Прижимая еду двумя руками к груди, вышел во двор и вывалил всё возле собачьей будки. Буран, неистово виляя хвостом и пуская слюну, лег на землю, прижал колбасу лапами, принялся есть.

Степан присел на корточки, запустил руки в густую собачью шерсть, нащупал на ошейнике карабин и отстегнул

цепь… Буран повернул морду, посмотрел на него с недоумением.

Сарай был забит разным хламом. Степан долго рылся, прежде чем нашел то, что искал. Прочная и скользкая, стропа от списанного парашюта подходила как нельзя лучше…

Вернулся в дом, окинул ищущим взглядом гостиную. Пожалуй, под лестницей будет самый раз… Сел в кресло, соорудил петлю, потом принес из кухни табурет, забрался на него и привязал конец стропы к верхней балясине. Примерил петлю: годится…

Сошел с табурета, снова устроился в кресле, закурил… Мыслей никаких не было, смотрел, как укорачивается сигарета, как осыпается пепел, как дымок вьётся и исчезает…

Обожгло пальцы… Бросил окурок в камин, поднялся с кресла, четыре шага до табурета и один шаг наверх… Голову в петлю… Прощайте, все!..

Степан толкнул табурет ногой, отбрасывая его в сторону. Резкая, невероятная боль перехватила шею… И тут ужас смерти захлестнул Степана. Задыхаясь, он попробовал, ухватившись за стропу выше петли, подтянуться и ослабить удавку, но тщетно… Ноги инстинктивно искали опору – и нашли ее: стропа, видимо, растянулась, и Степан смог носком ботинка коснуться опрокинутого табурета… Собрав остатки сил, Степан попытался придвинуть табурет ближе, но только оттолкнул его…

Он очнулся на своей кровати. Нестерпимо болела шея,

грудь ныла, как разорванная, в голове стоял непрекращающийся низкий гул. Сквозь этот гул, словно через толщу воды, доносились бубнящие голоса.

– … с мужем картошку садили, и вдруг собака ваша страшно так завыла!.. Думаю, что-то стряслось у Степана Петровича, надо сходить, а тут собака сама прибежала, лает и будто зовет… Я, как была, побежала за ней, в дом вхожу, а тут такое… Я испугалась – и за мужем!.. Прибежали вместе, Ванька-то мой не растерялся, схватил Степана Петровича за ноги, приподнял, а мне кричит: обрезай веревку!.. Я на кухню за ножом, стала на табурет, режу веревку, а у самой коленки трясутся – так мне страшно!..

– Вы скорую вызвали?

– Да, сразу… Потом вам позвонили… Да какая у нас скорая – развалюха, одна на десять деревень!.. Вы вот уже приехали, а она еще неизвестно когда будет… Я же им перезванивала, они спрашивают: «Он дышит?..» Я говорю: «Дышит». – «Ждите, – говорят, – у нас роженица и мотор закипел!»

– Сколько я вам должна?

– Да что вы, Любовь Харитоновна!.. Ничего вы нам не должны, мы же по-соседски…

– Разве что на бутылку, стресс снять…

– Замолчи, Ванька!.. Как тебе не стыдно!.. У людей такое, а ты…

– Сто рублей вам хватит?..

«Зачем это всё?» – подумал Степан и отпустил жизнь.

Растительная жизнь

Убогая комната студенческого общежития. Большой стол с остатками вчерашнего пиршества: пустые консервные банки, грязные тарелки, побитые эмалированные кружки в чайных разводах, засохшие куски хлеба. На подоконнике пустые бутылки из-под дешевого портвейна. Железные кровати вдоль побеленных известью стен – две слева и две справа. На кроватях под выцветшими солдатскими одеялами тела спящих людей. За окном серое зимнее утро.

Кровать справа у окна начинает скрипеть, из-под одеяла показывается заспанная остроносая физиономия со смятой набок мушкетёрской бородкой. Это Илья. Он приподнимается на локте и мутным взглядом обводит комнату.

– Есть кто живой? – кричит Илья и в изнеможении снова валится на кровать.

– Чо разорался?.. Дай поспать! – отзывается в стену крупный человек, лежащий у окна слева.

Он переворачивается на другой бок и, разлепив один глаз, недовольно смотрит на Илью. Это Пётр по прозвищу Петя-тяж. Над его кроватью висят боксерские перчатки. Он чемпион института по боксу в тяжелом весе.

– Сколько времени? – хриплым басом спрашивает Петя-тяж.

– Одиннадцать, без пяти, – отвечает Илья. – Башка тре-

щит, сейчас бы пивка…

– Сгоняй!

– Нет, я не могу, – говорит Илья. – Давай Кирюшу пошлем, он сегодня дежурный.

Петя-тяж стучит пяткой по кровати, изголовье которой находится у него в ногах.

– Киря, вставай, сходи за пивом.

– Почему снова я? – тонкоголосо отзывается Кирилл. – Я спать хочу.

– Ты дежурный, – снова трясет его кровать Петя-тяж.

– С каких это пор дежурный должен ходить за пивом? – поднимает всклокоченную голову Кирилл.

– А мы потом тебе поможем навести порядок, – говорит Илья, – смотри, какой срач после вчерашнего!

– Фига себе – они мне помогут! ТВОЙ день рождения справляли, а МНЕ теперь будут помогать! – Кирилл садится на кровати. Он щуплый, с детским розовощеким лицом. – Ладно, схожу, только денег у меня нет.

– И у меня нет, – говорит Петя-тяж.

Теперь уже Илья трясет кровать, которая у него в ногах:

– Серый, проснись!

Кровать ходит ходуном, но тот, кто на ней лежит, никак не реагирует.

– Серёга! – не отстает Илья.

– А?.. Что?.. – вдруг подскакивает Сергей. – Блин, чуваки, мне приснилось, что меня в поезде трясет…

– Приехали, конечная станция, – говорит Илья. – Пива хочешь?

– Не откажусь.

– Дай денег, Киря сгоняет.

Сергей протирает глаза и пятернёй расчесывает свои длинные, под битла, волосы. Над его кроватью висит гитара. Он встает, подходит, почёсывая бока, к платяному шкафу, снимает с вешалки куртку, роется в карманах и достает смятую трёшку.

– На все? – спрашивает у него Кирилл, натягивая брюки на тонкие ноги.

– Конечно, на все, – говорит Петя-тяж. – Как раз по две бутылки «Жигулей» выйдет.

Илья достает из прикроватной тумбочки сигареты «Прима», косится на Петра и закуривает.

– Я сколько раз тебе говорил, не кури в комнате! – орет Петя-тяж.

– Сегодня можно, – отвечает Илья.

Петя-тяж, набычившись, делает вид, что встает.

– Ладно, ладно… – Илья поспешно затягивается и гасит окурок в консервной банке.

Спустя полчаса все лежат поверх одеял с бутылками в руках.

– Фу-у… – отдувается Петя-тяж. – Жизнь становится веселее… Илья, включи музон.

Илья тянется к тумбочке, включает магнитофон. Звучит

жизнерадостная песня:

«Вся земля теплом согрета,
И по ней я бегу босиком.
Я пою, и звезды лета
Светят мне даже днем, даже днем.
Я так хочу, чтобы лето не кончалось,
Чтоб оно за мною мчалось, за мною вслед…»

– Вот есть же хорошие певицы! – говорит Петя-тяж. – Приятно послушать… Не то что эта ваша Пугачева – орёт, будто ее режут!

– Так это Пугачиха и поёт, – ехидно улыбается Илья.

– Да ладно! – не верит Петя-тяж и вопросительно смотрит на Сергея.

– Пугачева, – подтверждает Сергей.

Петя-тяж с минуту хмуро слушает песню, она ему уже не нравится, потом говорит:

– Да нет, ерундовская песня. Что-нибудь новенькое еще есть?

Илья меняет кассету. Звучит другая песня:

«Вот новый поворот, и мотор ревет,
Что он нам несет: пропасть или взлет,
Омут или брод – и не разберешь,
Пока не повернешь…»

– Вот, – трясет головой в такт музыки Петя-тяж, – отличная песня!.. Какая-то новая группа?

– Да, «Машина времени», – говорит Сергей. Он берет гитару, пытается подобрать аккорды.

– А мне у них больше нравится «Свеча», – говорит Кирилл. Глаза его блестят, он уже опьянел, ему много не надо. – Толкает на размышления…

– На какие размышления? – Илья смотрит на Кирилла с усмешкой.

– О жизни… о смысле жизни.

– Что-то ты, Кирюша, задержался в детстве. Я о смысле жизни думал, когда мне было лет пятнадцать.

– И к чему ты пришел?

– Я пришел… не сразу, конечно, – Илья убавляет громкость магнитофона, прикладывается к бутылке, делает пару глотков, – пришел к тому, что думать об этом не надо. А надо просто жить. Вот как трава растет. Она же не думает, зачем она существует… Просто растет, радуется солнышку и дождичку… хочет, чтобы лето не кончалось…

– Растительная жизнь?

– Отчего нет?.. Человек живет, чтобы радоваться, наслаждаться, ласкать, целовать, любить, обожать, ненавидеть, дышать, чувствовать… Короче, чтобы жить!..

– Стоп, стоп, Илья!.. – перебивает Кирилл. – Трава не думает, потому что думать не может, а у человека есть разум, и он должен понять, для чего живет… Жить, не зная смысла жизни – это как играть в игру, не зная правил. Если бы я знал, для чего живу, я бы, может, жил совсем не так… Я бы

сейчас был, наверняка, в каком-нибудь другом месте, а не лежал бы тут с вами… с больной головой и не пил это дурацкое пиво.

– Ну и бодягу вы здесь развели! – говорит Петя-тяж. – Вы что, забыли, как писали в школьных сочинениях?.. Жизнь дается человеку один раз, и прожить её надо так, чтобы не было мучительно больно… э-э…

– … за бесцельно прожитые годы, – подсказывает Кирилл.

– … и чтобы, умирая, – смеясь, продолжает Илья, – мог сказать: вся жизнь и все силы были отданы самому прекрасному в мире – борьбе за освобождение человечества! Ура, товарищи!

Все хохочут, кроме Сергея.

– Если серьезно, – отсмеявшись, говорит Петя-тяж, – то теория твоя, Ильюша, про траву – просто туфта!.. Человек – это животное, хищное животное, и в жизни надо не солнышку радоваться, а смотреть, как бы тебя не сожрали… А лучшая защита – это нападение, поэтому… сами понимаете…

Сергей тихо перебирает струны гитары.

– А ты что думаешь? – обращается к нему Кирилл.

– Я? – отзывается Сергей. – Я тоже пока не понимаю смысла своей жизни, но что я знаю точно – это то, что сейчас, в институте, я напрасно теряю время. Эта моя учеба никакого отношения к смыслу моей жизни не имеет… Протирать штаны после окончания института в какой-нибудь конторе – это уж точно не моё!.. Поэтому я решил, что завтра забираю

документы.

– Не дури! – говорит Илья. – Три года, самых трудных, отучился…

– Чего только не придет в голову с бодуна! – гогочет Петя-тяж.

– И куда ты? – спрашивает Кирилл.

– Куда-куда – в армию! – встревает Петя-тяж. – Неделя не пройдет, как получит повестку.

– В армию, так в армию, – говорит Сергей. – Тоже жизненный опыт… Лишним не будет… А после армии я, наверно, всерьез музыкой займусь…

– Лабухом будешь? – брезгливо усмехается Петя-тяж.

– Если уж так припекло, возьми академ, будет время подумать, – советует Илья.

– Нет, – отвечает Сергей, – я уже давно об этом размышляю, а сейчас твердо решил.

***

Афганистан. Расположение 70-й отдельной мотострелковой бригады в окрестностях Кандагара. Ряды, ряды армейских палаток на плоской каменистой равнине, зажатой с двух сторон высокими голыми хребтами со скальными гребнями на вершинах. С оглушительным рёвом взлетают и садятся боевые вертолеты. Поднимая тучи пыли, проходят колонны бронетехники. Жара и пыль, пыль и жара.

В кирпичном помещении клуба относительно прохладно. Здесь собран почти весь десантно-штурмовой батальон. Замполит батальона проводит занятия, стоя на сцене перед картой мира. Он докладывает о текущем политическом моменте. Его почти никто не слушает: молодые солдаты, замотанные нарядами, дремлют; с задних рядов, где сидят старослужащие, доносится монотонный гул приглушенных голосов.

– Вы должны помнить, – бубнит капитан, глядя в конспект, – что являетесь представителями государства, протянувшего руку помощи народу этой страны в борьбе против империализма и внутренней реакции. Советский Союз, руководствуясь узами дружбы между нашими странами, по просьбе правительства Демократической Республики Афганистан пришел на помощь братскому афганскому народу…

– Зачем же они нас обстреливают? – громко спрашивает Сергей, сидящий среди «дедов». Он в выгоревшей хэбэшке с сержантскими лычками на погонах. Обветренное лицо его темно от загара.

Замполит тянет шею, высматривая подавшего голос, и продолжает:

– В настоящее время весь народ Афганистана под руководством Народно-демократической партии взялся за строительство нового общества, руководствуясь принципами научного социализма… – капитан отрывается от конспекта

и глядит в сторону Сергея, – но отдельные отсталые элементы под действием западной пропаганды, тормозят это строительство… и я вижу, что такие элементы есть и среди нас… Я попрошу замполита роты, в которой служит этот незрелый в политическом отношении боец, провести с ним дополнительную работу и мне доложить.

Занятия заканчиваются, все покидают клуб. На выходе Сергея поджидает недовольный командир роты:

– Пойдем ко мне.

В командирской палатке из трофейного японского приемника звучит восточная музыка.

– Ты что, самый умный?.. – говорит ротный. – Опять ищешь приключений на свою задницу!.. И командование роты подводишь!

– Виноват, товарищ старший лейтенант!

– Ладно, давай о деле… Сейчас готовь своё отделение в боевой рейд, выезд через три часа, – ротный разворачивает карту.

– Почему не утром?

– Вам надо прибыть на «задачу» так, чтобы никто не заметил. Вот по этой заброшенной грунтовке вас подвезут до развилки, это километров пятьдесят, здесь вы спешитесь, скрытно перевалите через хребет и с рассветом займете позицию вот тут, над кишлаком. Остальная рота утром выдвинется по шоссе на броне и в восемь часов начнет зачистку кишлака. Ваша задача – блокировать духов, которые попы-

таются скрыться в горах… Всё понятно, сержант?

– Так точно! – отвечает Сергей потерянно.

– Что не так, Сергей? – спрашивает ротный.

– Да я это, только что побрился, – Сергей проводит ладонью по подбородку, – говорят, плохая примета…

– Что за бабские суеверия!..

Раннее утро следующего дня. Восемь десантников во главе с Сергеем, укрывшись за валунами, лежат наверху скального уступа. Внизу широкая зеленая долина с петляющей речкой. Вся долина накрыта прямоугольной сеткой арыков, повсюду сады и огороды. Сразу за рекой белеют строения и дувалы (дувалы – высокие глинобитные стены, ограждающие дворы) вполне мирного на вид кишлака, за кишлаком – большой массив одичавших садов и виноградников, так называемая зелёнка. Ещё дальше, где-то там, у противоположного борта долины, проходит дорога в Кабул, на которой душманы недавно сожгли колонну с топливом. И по этой дороге сейчас движется на бронетранспортерах от Кандагара десантно-штурмовая рота, чтобы свершить возмездие.

Ротный сообщает по рации, что они будут на «задаче» через час. Слышится нарастающий гул вертолетов. Проходит десяток минут, и показывается четвёрка желто-зелёных Ми-24. В бинокль Сергей видит мечущихся по кишлаку людей. Вертолеты устраивают карусель и начинают работать по зелёнке и кишлаку. Каждый «Крокодил» сначала, на подлёте, выпускает реактивный снаряд, затем долбит из круп-

нокалиберного пулемета и уже непосредственно над целью бросает бомбы. Грохот стоит беспрерывный, багровое пламя разрывов сверкает в бурых, черных и грязно-серых клубах дыма. Дым поднимается над кишлаком и примыкающей к нему зелёнкой и гигантским коромыслом загибается высоко в небе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.